

3. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : Русские словари, 1994. – Т. 1. – 778 с.
4. Овсянников, В. З. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии / В. З. Овсянников. – М. : Молодая гвардия, 1933. – 361 с.
5. Займовский, С. Г. Крылатое слово: справочник цитаты и афоризма / С. Г. Займовский. – М.-Л. : Гос. изд-во, 1930. – 492 с.
6. Ашукин, Н. С. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 3-е изд. – М. : Худож. лит., 1966. – 824 с.
7. Николаюк, Н. Библейское слово в нашей речи: словарь-справочник / Н. Николаюк. – СПб. : Светлячок, 1998. – 448 с.
8. Грушко, Е. А. Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Н. Новгород : «Русский купец» и «Братья славяне», 1996. – 480 с.
9. Грановская, Л. М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии: ок. 400 имен, более 300 крылатых выражений / Л. М. Грановская. – М. : ООО «Изд-во Астрель» : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 288 с.
10. Мокиенко, В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639 с.
11. Шулежкова, С. Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...» происхождение, значение. Судьба 1300 крылатых слов и выражений русского языка / С. Г. Шулежкова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – 848 с.
12. От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира : коллектив. монография / под ред. С. Г. Шулежковой : в 2-х ч. – Магнитогорск : МаГУ, 2008. – Ч. 2. – 270 с.

Abstract. The phraseological system is the mobile variety the changes of which at any time period are determined by social-speech practice. The article deals with the question of semantic transformation of phraseological units from the New Testament. The analysis of the functioning specificity of the unit *My name is Legion* lets the authors to identify the main variants of restructuring of its meaning dealing with the actualization of certain semantic components because of the “weaken” of the others.

Keywords: phraseological meaning, discourse, semantic component, semantic transformation.

УДК 811.161.1'373.72+811.161.3'373.72+811.581'373.72

Н. С. Протасеня

АРХИТЕКТУРНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО, БЕЛОРУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ *ВОРОТА / ВАРОТЫ / 大门, ДВЕРЬ / ДЗВЕРЫ / 门*)

Аннотация. В статье сопоставляются способы реализации архитектурного кода культуры в русской, белорусской и китайской лингвокультурах на материале фразеологизмов, имеющих в своем составе названия конструктивных элементов дома (*ворота / вароты / 大门, дверь / дзверы / 门*). Обнаружены типологически сходные и национально-специфические фразеологические единицы, отражающие данный фрагмент языковой картины мира.

Ключевые слова: лингвокультура, культурные коды, архитектурный код, фразеологические единицы.

В каждой национальной культуре существует система кодов, в основе которой лежит «способность человека соотносить явления из разных областей, выделяя у них разные признаки» [1, с. 90]. Если культуру рассматривать как знаковую систему, то культурный код – это «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках» [2, с. 9].

В. Н. Телия считает, что коды культуры – это «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода “обозначаемыми” собственно культурных знаков, которые лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой “подоснову” культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [3, с. 38]. По мнению В. Н. Телия, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, метафорах, паремиях, фразеологизмах, при этом «фразеологический корпус языка – особенно богатый материал для исследования, поскольку в нем концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [4, с. 9].

В исследованиях авторитетных ученых предлагаются различные списки базовых кодов, различающиеся степенью подробности членения областей действительности. Так, В. В. Красных выделяет антропный, биоморфный, природно-стихийный, временной, пространственный, артефактивный / предметный, нумерологический, колористический, акциональный и духовный коды культуры [5, с. 381]. В. Н. Телия и авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» предлагают более обширную классификацию, в которой выделены следующие коды культуры: антропный, или собственно человеческий код, зооморфный код, растительный код, природный код, артефактно-вещевой код, вещно-костюмный код, гастрономический код, архитектурный код, духовно- и /или религиозно-антропоморфный код, религиозно-артефактивный код, временной код, пространственный код, количественный (числовой код), цветовой код, телесный (соматический код) [2, с. 96].

Мы рассматриваем архитектурный код как частный случай предметного (артефактивного) кода. По В. Н. Телия, предметный код культуры включает в себя «совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства. Данные имена несут в дополнение к природным свойствам именуемых объектов и предметов функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка культуры» [6, с. 146]. В. В. Красных включает артефактивный / предметный код в число базовых культурных кодов и выделяет внутри данного кода собственно артефактивный (*глазки-пуговицы*), домоустроительный (*крыша едет*) и даже гастрономический (*заварить кашу*) [5, с. 382].

Предметный культурный код как совокупность более частных кодов занимает одно из центральных мест в любом национальном культурном пространстве, соответственно, анализ и сопоставление семантики и функционирования единиц данного культурного кода позволяет выявить характерные черты важных фрагментов русской, белорусской и китайской языковых картин мира.

В данной статье объектом исследования является воплощение архитектурного кода культуры в русских, белорусских и китайских фразеологизмах, включающих обозначения конструктивных элементов дома. В качестве материала для анализа были отобраны русские, белорусские и китайские фразеологизмы, содержащие лексемы *ворота / вароты / 大门*, *дверь / дзверы / 门*. Источниками языкового материала послужили «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [7; 8], «Большой словарь русских пословиц» под редакцией В. М. Мокиенко [9], «Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы» І. Я. Лепшава [10], *中华成语辞海*, 主任陈霞村 («Китайский фразеологический словарь Цыхай» под редакцией Чэнь Сяцунь) [11], *在线成语字典* («Большой китайский фразеологический словарь он-лайн») [12].

Двери и ворота, будучи инструментом, открывающим и закрывающим канал перемещения и взаимодействия людей, являются одним из важнейших интеркультурных символов, кодирующих возможность / невозможность коммуникации, объединения,

совместной деятельности. Как свидетельствует фразеология трех языков, в народном сознании ворота и двери символически передают идею размежевания «своей» и «чужой» территорий. Это своего рода граница, которая придает оформленность своему пространству и отделяет его от чужого, противопоставляет свой мир чужому миру. Фразеологизмы с данными компонентами служат для выражения и оценки разных типов взаимоотношений между людьми – как положительных, так и отрицательных.

Так, образ открытых ворот или дверей в русском, белорусском и китайском языках символизирует свободу, возможность доступа, гостеприимство, желание вступить в контакт и наладить связь. В русском и белорусском фразеологическом материале состав единиц, реализующих эти смыслы, в основном представлен полными межъязыковыми соответствиями: русск. *все двери открыты* ‘все доступно кому-либо’, *открывать двери* ‘оказывать гостеприимство, хороший прием; давать свободный, беспрепятственный доступ куда-л., к чему-л.; делать возможным, позволять что-л.’, *при открытых дверях* ‘с доступом посторонних’, *день открытых дверей* ‘время, в которое проводится ознакомление всех желающих с учебным учреждением, предприятием и т. д.’; бел. *дзверы адчынены* ‘кто-л. имеет свободный доступ куда-л., для кого-л. созданы благоприятные условия’, *адчыняць / адкрываць дзверы* ‘давать свободный доступ, создавать благоприятные условия’, *дзень / дні адкрытых дзвярэй* ‘день, дни свободного доступа в образовательное учреждение или на предприятия (для ознакомления с их профилем)’. В китайской фразеологии мы отметили только одну единицу с похожей образной основой: *门不停宾* ‘быть гостеприимным’ (букв. ‘не останавливать гостей в воротах’). Архитектурный код китайской лингвокультуры обнаруживает свою специфику: образ открытой двери репрезентирует также а) стабильное социальное положение в обществе, безопасность (*门不夜关* ‘о хорошем общественном порядке’ (букв. ‘двери по ночам не закрываются’)); б) выражает открытость намерений человека во фразеологизме (*开门见山* ‘открыто, прямо излагать свою позицию’ (букв. ‘открыть двери и увидеть горы’)).

Глагольные фразеологизмы отражают совершенно разную культурную интерпретацию образа открытых дверей / ворот в восточнославянских и китайском языках. Культурные коды русского и белорусского языков фиксируют отношение к открытым дверям «извне»: русск. *ломиться в открытые двери / ворота* ‘создавать для себя излишние, совершенно ненужные препятствия’, бел. *ламацца ў адчыненыя дзверы* ‘настойчиво утверждать, доказывать то, что давно всем известно и не вызывает возражений’, *адмыкаць адмакнёныя дзверы* ‘настойчиво утверждать, доказывать то, что давно всем известно и не вызывает возражений’. Китайский архитектурный код отражает видение открытых ворот / дверей «изнутри»: *开门揖盗* ‘самому навлекать на себя беду’ (букв. ‘открыть ворота (дверь) и с поклоном принять грабителя’).

Русские и белорусские глагольные фразеологизмы воплощают и другие культурные смыслы компонента *дверь*, содержащие негативную оценку. Сравн., например, русск. *открывать / открыть дверь ногой* ‘входить куда-л. совершенно свободно, не церемонясь; иметь свободный доступ куда-л.’ и бел. *нагой адчыняць дзверы* ‘свободно, беспрепятственно заходить куда-л., к кому-л.’. Имеется в виду, что некто демонстрирует свои близкие, дружественные отношения с другим лицом и может в любое время свободно и без приглашения заходить на его территорию, тем самым выставляя такие отношения напоказ (хотя в норме проникновение других лиц на «чужую» территорию невозможно без разрешения, приглашения или предупреждения). В данных фразеологизмах открываемая извне дверь выступает как метафора демонстративно подчеркиваемых связей, дружбы (как правило, с кем-либо влиятельным).

Белорусский фразеологизм *адчыняць ілбом дзверы* ‘быть выгнанным, чаще как угроза’ транслирует еще один стереотип национальной культуры, в котором пересекаются разные культурные коды. *Лоб* в образной основе фразеологической единицы метонимически замещает целое и представляет, с одной стороны, изгнание человека со своей территории, а с другой – «способ» вынужденного действия. Обратим внимание на то, что двери в данном фразеологизме открываются по принуждению изнутри нару-

жу в противоположность свободному действию, направленному извне внутрь (*нагой адчынцяць дзверы*). Данный фразеологизм соотносится через компонент *дверь* с архитектурным культурным кодом, через *лоб* – с соматическим, через действие *открывать* – с акциональным и в целом отражает стереотип резкого разрыва связей вследствие нежелания осуществлять совместную деятельность с кем-либо на его территории.

В восточнославянских лингвокультурах дверь (точнее, ее размеры) может выступать и эталоном критической степени полноты человека: бел. *ў дзверы не ўлазіць* ‘растолстеть, располнеть, поправиться’, в образной основе которого лежит гиперболическая метафора, уподобляющая параметры человека и ширину дверного проема.

Образ закрытых ворот, дверей в трех лингвокультурах символизирует невозможность войти в «чужое» пространство либо изгнание из него, отказ, разрыв взаимоотношений, лишение каких-либо возможностей, нежелание иметь дело с кем-либо. В рамках восточнославянских фразеологизмов такого рода коррелируют две смысловые группы – единицы, кодирующие а) разрыв уже существующих контактов, изгнание; б) отказ от потенциальных контактов, запрет на входение. Сравн.: а) русск. *выбрасывать за ворота кого-л.* ‘увольнять, лишать работы, места’, *все двери захлопываются* ‘о лишении кого-л. возможностей действовать, работать, идти к намеченной цели’, *закрывать двери перед кем-л.* ‘активно препятствуя, лишая кого-л. возможности что-л. сделать, чего-л. добиться’, *закрой / закройте дверь с той стороны* ‘груб. простореч. выйди, выйдите вон’, *указывать на дверь кому-л.* ‘предлагать удалиться, уйти; выгонять’; бел. *выкідваць за вароты* ‘уволить с работы, лишать средств к существованию’, *дзверы зачынены / зачыніліся* ‘кто-л. не имеет свободного доступа куда-л., лишен каких-л. возможностей’, *зачыніць дзверы з таго боку* ‘покинуть помещение. Как требование, чтобы кто-л. сразу вышел откуда-л.’; *наказваць на дзверы* ‘предложить кому-л. выйти; выгнать кого-л.’; *выставіць за дзверы* ‘выпроводить, выгнать из дома, отправить ни с чем’; б) русск. *от ворот поворот* ‘категорический отказ, отрицательный ответ на просьбу’, *закрывать двери дома перед кем-л., для кого-л.* ‘переставать принимать у себя дома, не допускать в свое общество’, *при закрытых дверях* ‘без посторонних’; бел. *пры зачыненых дзвярах* ‘в присутствии только заинтересованных лиц, тайно от других’. В китайском языковом материале мы обнаружили единицы только второй смысловой группы: *吃闭门羹* ‘уйти ни с чем’ (букв. ‘съесть похлебку у закрытых дверей’), *拒之门外* ‘отказывать. Держать человека за дверью и не позволять войти. Относится к отказу в ведении переговоров или совместных делах’ (букв. ‘держат за дверью’).

В белорусском языковом сознании образ закрытой двери кодирует также спокойствие и безопасность: *як у бога за дзвярыма* ‘спокойно и в полной безопасности (быть, находится, сидеть и т. д.)’. Очевидно, что в данном случае архитектурный код взаимодействует с религиозным и отражает стереотипы религиозно-мифологического сознания: закрытые двери здесь выступают границей между пространством, хранимым Богом, и «чужой» территорией, где человек одинок и незащищен перед окружающим миром.

В китайской лингвокультуре образ закрытых ворот и дверей является символом затворничества, отчуждения, нежелания общаться с другими людьми, оторванности от реальности. *大门不出, 二门不迈* ‘не выходить из дома и не общаться с людьми’ (букв. ‘не выходить за главные ворота, не переступать за внутренние ворота’), *闭门却扫* ‘прекратить всякие сношения с внешним миром’ (букв. ‘закрыть дверь и отказать посетителям’), *闭门谢客* ‘жить затворником, не выходить из дома’ (букв. ‘запереть двери и отказывать в приеме гостям’), *闭门思过* ‘размышление о своих поступках наедине с собой’ (букв. ‘замкнуться (закрыться) в комнате и думать о своих ошибках’); *闭门造车* ‘быть оторванным от действительности’ (букв. ‘делать телегу при закрытых дверях’). В образной основе фразеологизмов лежит метафора, которая основана на символической функции ворот, дверей как средств изоляции, отграничения объекта от окружающего мира.

В русской, белорусской и китайской фразеологии ворота, двери не только являются символом своей границы, но и выступают как символ связи с окружающим миром, с другими людьми: русск. *стучаться в дверь, стучаться во все двери* ‘обращаться

к кому-л. с просьбой о чем-л., за поддержкой, помощью, содействием’, *хлопать / хлопнуть дверью* ‘демонстративно, с возмущением удалиться откуда-л.’; бел. *стукаць у < ва ўсе > дзверы, стукацца ў дзверы* ‘часто обращаться с просьбами к кому-л.’, *застукаць ва ўсе дзверы* ‘начать часто, настойчиво обращаться с просьбами к кому-л.’, *бразгаць дзвярамі* ‘выразить резкий протест, не добившись своего, желаемого’; кит. *望门投止* ‘найти временное пристанище, искать ночлега’ (букв. ‘увидел дверь и остановился на простой’), *沿门托钵* ‘ходить по дворам и просить милостыню’ (букв. ‘у всех дверей держать миску’), *傍人门户* ‘зависеть от других, неспособность быть самостоятельным’ (букв. ‘опираться на ворота и двери сторонних людей’).

Отмечаются фразеологизмы, в которых образ ворот и дверей не связан с признаком открытости / закрытости. Так, русск. и бел. фразеологизмы *дверь в дверь* ‘напротив или рядом (о расположении, размещении кого-, чего-л.)’, *дзверы ў дзверы* ‘очень близко, напротив (жить)’ основаны на метафоре, которая уподобляет пространственные отношения, и метонимии, где часть заменяет целое (*дверь* вместо *дом*). Взаимная направленность двух дверей в данных фразеологических единицах является образным эталонным близкого расположения домов, проживания рядом.

Ворота и двери воспринимаются как «лицо дома», своеобразная «визитная карточка», поскольку это первое, что можно увидеть, приближаясь к дому, по ним можно многое узнать о быте и достатке хозяина. Соответственно в русской, белорусской и китайской лингвокультурах лексемы *ворота* и *двери* в сочетании с другими элементами могут кодировать социальный статус человека: русск. *запирать ворота пирогами* ‘жить в достатке, быть богатым’; бел. *вароты пірагамі падперты* ‘всего досыта, сколько хочешь. Про богатую жизнь’; кит. *朱门绣户* ‘о богатой и знатной семье’ (букв. ‘красные ворота, разукрашенные двери’), *挂席为门* ‘о бедном или убогом жилище’ (букв. ‘повесит циновку вместо двери’), *门当户对* ‘одинакового общественного положения и происхождения’ (букв. ‘ворота подходят, двory соответствуют’).

В русской и белорусской языковых картинах мира ворота концептуализируются как границы допустимого в социуме, дозволенного. В обоих языках есть фразеологические единицы, в которых ворота задают рамки приличий: русск. *ни в какие ворота не лезет* ‘очень плохо, никуда не годится’; бел. *не лезе ні ў якія вароты* ‘очень плохой, не вписывается в общепринятые нормы’.

Проведенный нами анализ фразеологических единиц, соотносимых с архитектурным кодом культуры, позволяет сделать вывод о преимущественном совпадении эталонных образов ворот и дверей в трех лингвокультурах и в то же время наличии некоторых расхождений их переосмысления в каждом из языков. Общими для трех лингвокультур является кодирование в образах ворот и дверей следующих культурных смыслов: а) границы «своего» пространства; б) канал связи с окружающим миром; в) позитивный / негативный характер межличностных отношений; г) социальный статус человека. В русском и белорусском языках национально-культурную специфику обнаруживают фразеологические единицы, в которых ворота символизируют рамки дозволенного и допустимого в обществе; дверь метонимически обозначает дом; в белорусском языке двери Бога символизируют спокойствие и защищенность; дверной проем выступает стереотипом оценки полного человека. В китайском языке национально-культурную специфику обнаруживают фразеологические единицы, в которых образ открытых дверей символизирует безопасность, открытые намерения человека; образ закрытых ворот или дверей – затворничество, оторванность от реальности.

Список использованных источников

1. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 178 с.
2. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

3. Телия, В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
5. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.
6. Красных, В. В. Предметный код культуры в русском пространстве / В. В. Красных // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы : материалы междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. – М., 2003. – С. 146–148.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 1 : А–П. – 831 с.
8. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2 т. / сост. : А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – Т. 2 : П–Я. – 830 с.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
10. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : каля 7 тысяч фразеалагізмаў у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1: А–Л. – 672 с.
11. 中华成语辞海 / 主任陈霞村. – 长沙 : 湖南教育出版社. – 1796 页 = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во просвещения Хунань, 2013. – 1796 с.
12. 在线成语字典 = Большой китайский фразеологический словарь он-лайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cy.515bedu.com>. – Дата доступа: 20.10.2022.

Abstract. The article compares the ways of implementing the architectural code of culture in russian, belarusian and chinese linguocultures on the basis of phraseological units that include structural elements of the house (gate / 大门, door / 门). Typologically similar and nationally specific phraseological units reflecting the given fragment of the linguistic picture of the world are found.

Keywords: linguistic culture, cultural codes, architectural code, phraseological units.

УДК 811.161.1'22'373.2'38:398.92:82-92

Т. В. Ратько

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. В статье рассматривается явление трансформации фразеологических и паремиологических единиц в функциональном аспекте, акцентируется внимание на таких видах трансформационных изменений, как включение в состав устойчивого выражения дополнительных компонентов и замена компонентов, приводятся конкретные примеры употребления трансформированных единиц и создаваемого ими стилистического эффекта.

Ключевые слова: фразеологические единицы, паремиологические единицы (пословицы и поговорки), трансформация, эмоционально-экспрессивный контекст, стилистический эффект.

Фразеологические и паремиологические средства являются одними из самых разработанных в лингвистике, и это не случайно: устойчивые выражения очень многофункциональны. Здесь можно говорить о разных аспектах этого явления. Фразеологизмы и паремии рассматриваются и как языковые единицы, и как речевое явление, и как своеобразный идентификатор ментальности того или иного народа и его национального характера. Наиболее значимым признаком фразеологического оборота, как